

Ю.Г. Виноградов

ЛЕВКОН, ГЕКАТЕЙ, ОКТАМАСАД И ГОРГИПП

(Процесс интеграции Синдики в Боспорскую державу по новелле Полиэна (VIII, 55) и вотивной эпиграмме из Лабриса)*

Исход V и первые два десятилетия IV в. до н.э. явились поистине судьбоносными для боспорской истории, ибо именно тогда и был заложен тот прочный фундамент, который ни много, ни мало на столетия сплотил в единую могучую державу гетерогенный греко-варварский мир, пространный каймой обрамлявший берега Боспора Киммерийского и Меотиды. Именно в этот период окончательно складывается первое на Черноморье надполисное образование – территориальная держава Спартокидов, которой было предрешено судьбой принять на себя роль протагониста в истории всего Понтийского региона. Однако, к великому сожалению, при воссоздании истории Боспора исследователи постоянно были вынуждены опираться почти исключительно на показания античной литературной традиции, излагавшей события последних лет правления Сатира (433–389) и первых – его сына Левкона (389–349) далеко не с желаемой полнотой¹. Историки, комбинируя всевозможные лады варианты исторических реконструкций, сплошь и рядом забредая в тупиковый *circulus vitiosus*, ежечасно предвкушали появление свежей информации, способной быть привнесённой в классические штудии лишь эпиграфическими документами экстракласса. Важной, но ставшей по мере накопления стандартной, а посему не столь информативной, оказалась уникальная для античных политий достаточно уже внушительная серия псефизм, изданных от имени боспорских тира-

* История этой статьи довольно примечательна. Ю.Г. Виноградов дал ее мне в 1999 г. Тогда же мы несколько раз возвращались к ее обсуждению. Поскольку с того времени и по сию пору мне пришлось много перемещаться, я вскоре потерял ее из виду и полагал, что либо вернул ее по прочтении автору, либо потерял. Но прав классик XX века – рукописи не горят! При последнем переезде она вдруг неожиданно, почти чудесно, обнаружилась. Поскольку статья имеет практически законченный вид и первоначально предполагалась как часть общей работы с Н.А. Фроловой, корпус синдских монет в исполнении которой публикуется в настоящем номере ВДИ, я счел за благо поспешить подготовить ее к публикации. Что не потребовало особых усилий. Некоторые незначительные дополнения к содержанию и реконструкции, принятые Юрием Германовичем в ходе наших с ним дискуссий, а также очевидные из логики изложения материала выводы, помещенные в конце, выделены мною курсивом. – Ф.В. Шелов-Коведяев.

¹ После классического труда В.Ф. Гайдукевича «Боспорское царство» (2-е перераб. изд.: Das Bosporianische Reich. В., 1971) современное состояние изучения с практически исчерпывающей литературой вопроса систематически изложено в монографии: Шелов-Коведяев Ф.В. История Боспора в VI–IV вв. до н.э. // Древнейшие государства на территории СССР, 1984 г. М., 1985. С. 5–187. Контroversный вариант решения проблемы см. Васильев А.Н. К вопросу о времени образования Боспорского государства // Этюды по античной истории и культуре Северного Причерноморья. СПб., 1992. С. 111–128. Ср. Виноградов Ю.Г. К проблеме полисов в районе Боспора Киммерийского // Античный мир и археология. 1993. 9. С. 79–96. Новейший уточненный список боспорских правителей см. Vinogradov Ju.G. Die bosporianischen Herrscher // Rostowzew M. Skythien und der Bosphorus. Bd. II. Stuttgart, 1993. S. 223 f. (исправление на с. 224 – нумерация царей по имени «Рескупорид» должна иметь следующий порядок: III (233–234), IV (242–276), V (314–341)).

нов – Левкона, Перисада и наследовавших им поздних Спартокидов вкупе с их старшими сыновьями-парадинастами². Счастливым исключением последних лет явилась разве что находка на Ольвийском городище мраморной стелы с высеченным на ней постановлением ольвиополитов в честь боспорского правителя Сатира I и уникальным пока в Северокрымском регионе для столь раннего времени международным договором ольвийской общины с его сыном Левконом I, хотя и это документальное досье проливает свет не столько на внутривосточные, сколько на международные отношения Боспора³.

Однако судьбе было угодно распорядиться так, что великолепный элоквентный источник неожиданно попал в руки антиковедов, объединенных общим стремлением приблизиться к корректному решению давно дискутируемой проблемы: при каких исторических предпосылках, на какой социально-экономической базе и как конкретно был претворен в жизнь эксперимент создания, дальнейшего – далеко не безболезненного – цементирования и окончательного становления Боспорской державы.

Имеется в виду случайно обнаруженный на азиатской стороне Боспора при вспашке поля на краю Семибратнего городища один из ряда вон выходящий эпиграфический памятник, подобного которому наука о классических древностях Южной России не ведала уже десятилетия, если не доброе столетие. Это высеченная на известняковом блоке базы стихотворная греческая надпись, изданная Т.В. Блаватской с фотографией, прорисовкой и восстановлением текста, по признанию самой издательницы, «с допущением неизбежности сомнений в чтении отдельных мест»⁴.

Editio princeps исторических источников, особенно первостепенной важности, накладывает на первоиздателя, как известно, ответственность за выбор их дальнейшего пути в научных исследованиях. В случае, если первоиздание содержит известное количество не подлежащих сомнению фактических изъянов, не подлежит также никакому сомнению и целесообразность их незамедлительной корректировки, дабы – сколь возможно скоро – предотвратить развитие будущей разработки документа в заведомо ложном направлении⁵. Исходя исключительно из этих побуждений и получив в распоряжение благодаря содействию сотрудника Анапского музея А.М. Новичихина отменного качества фотографию изучаемого памятника⁶, позволившую подвергнуть тщательной верификации прочтение, графическое и минускульное воспроизведение, восстановление и историческое осмысление текста первоиздателем, автор данных строк решил взяться за перо, дабы критически оценить и по мере сил усовершенствовать публикацию этого чрезвычайно важного в самых разных аспектах лапидарного документа.

ТИП ПАМЯТНИКА

Постамент представляет собой так называемую монолитную Quader-basis, профилированная модификация которой встречается в поздней классике лишь эпизо-

² Классификацию этих постановлений по формулам и содержанию привилегий см. *Шелов-Коведяев Ф.В.* Новые боспорские декреты // ВДИ. 1985. № 1. С. 69–72; *Chelov-Kovedjajev Th.* Les décrets bosporans et l'histoire du Bosphore Cimmérien au IVe siècle av. J.-C. // *Πράκτικα τοῦ ἡ' Διέθνους Συνεδρίου ἑλλ. και λατ. ἐπιγραφικῆς*. II. Athen, 1987. P. 327 suiv.

³ *Виноградов Ю.Г., Крапивина В.В.* Ольвия и Боспор в раннем IV в. до н.э. // *Античные полисы и местное население Причерноморья*. Севастополь, 1995. С. 69–78; *Vinogradov Ju.G.* Olbia und Bosphoros in frühen 4. Jh. v. Chr. im Lichte eines neugefundenen Aktendossiers // *Pontische Studien*. Mainz, 1997. S. 515–525.

⁴ *Блаватская Т.В.* Посвящение Левкона I // РА. 1993. № 2. С. 34–48, особ. с. 36.

⁵ В справедливости этого утверждения заставляют убедиться первые отклики на публикацию надписи с Семибратнего городища: *Масленников А.А.* Некоторые проблемы ранней истории Боспорского государства в свете новейших археологических исследований в Восточном Крыму // ПИФК. 1996. III. 1. С. 68; *Молев Е.А.* Политическая история Боспора VI–IV вв. Нижний Новгород, 1997. С. 47. Прим. 66. С. 78 сл.

⁶ Пользуюсь случаем выразить ему свою самую искреннюю признательность.

дически⁷. Судя по прямоугольному углублению, достаточно основательно (на 15 см) впущенному в верхнюю поверхность монумента, он служил подножием миниатюрной мраморной статуи (размеры базы всего лишь 27,5×31,5+ см), скорее всего высеченной в едином монолите с плинфой, которая крепила вотивную скульптуру на постаменте, что нашло весьма широкое распространение как раз с IV в. до н.э.⁸ В таком случае остается непонятным основание для утверждения о том, что «надпись... вырезана на боковой стороне постамента», ведь, по замечанию самой издательницы, все поверхности базы отполированы одинаково ровно (с. 34).

Прежде чем приступить к повторному анализу выдающегося документа, имеет смысл воспроизвести его текст и перевод по первоизданию для лучшего ориентирования читателей в дальнейшем:

Εὐξάμενος Λεύκων υἱὸς Σατύρῳ ἄρχῳν|
 Φοίβῳι Ἀπόλλωνι στῆσε τῶι ἐν Λαβρούττῳι|
 Τῆς δὲ πόλεως μεδέοντι Λαβρύτῳι β[ιοηθῶν ἐπ']|
 Θεοδοσίης τε μάχῃ καὶ κράτει ἐξεδήλοσα?)|
 'Οκταμασάδε(ι). ἄγῃ σε Ξίνδων παῖδε καὶ λυε|
 τοῦ Σίδῳι βασιλέως θ[α]νατερὰ οἰκεία· ἐχθρὸς μὲν?)|
 ἐγβάλλων ἀρχῆ[ι]ν εἰς τὴν ἐπολιγοῖδρανίαν?)

Перевод: «Принесший обет Левкон, сын Сатира, архонт Фебу Аполлону поставил, тому, что в Лабрите. Владыке же города лабритян я, помогающий после сражения и победы над Феодосией, указал Октамасаду: "Уводи к себе от Синдов обоих сыновей и уничтожь смертоносную дружбу царя Синдов – ведь враждебен доводящий царство до тяжелейшего (поражения?)"».

Графическое воспроизведение надписи. Новая высококачественная фотография показывает, что прорись, воспроизведенная на рис. 2 первоиздания, в нескольких местах не соответствует оригиналу: 1) в конце стк. 4 четко читается *лямбда*, а никак не *дельта*; 2) седьмой от конца знак стк. 6 не *ню*, а *пи*; 3) 18-я от начала той же строки *тета*, не заключенная в квадратные скобки, отсутствует, тем не менее, есть на прорисовке; 4) в конце последней строки не стоит никакого приспущенного *омикрона*, зато отчетливо различима вертикаль, которая, судя по предшествующей *гамме*, могла принадлежать лишь *канпе*; 5) наконец, в правой половине стк. 7 резчик отнюдь не «был вынужден оставить промежуток между знаками 19 и 20» из-за «несглаженных выщербин» (с. 38), ибо такие же псевдовыщербины наличествуют и в соответствующем месте предшествующей строки 6, где уверенно распознается *ос*, в то время как в стк. 7 четко разбирается грамматически оправданное дейктическое местоимение *τῆνδε*.

Метрика. Согласно собственному заявлению издательницы (с. 36), «каждый гекзаметр занимает отдельную строчку». Иными словами, даже теоретически не разобрана возможность представить себе структуру данного лапидарного стихотворения как состоящего из элегических дистихов, что, видимо, и привело к тому достойному сожаления факту, что дополнения практически всех строф вступили в решительное противоречие с основополагающими законами греческой метрики.

Гекзаметр стк. 1 явно хромает на целую концевую стопу. Четвертая стопа строфы 2 – если попытаться вычитать здесь тот же гекзаметр – должна была бы начинаться с долгого, а не однозначно краткого слога (στῆσε ᾗ), да и выглядело бы крайне странным, чтобы в повторяющемся в соседних строках одном и том же слове Λαβρύττῳι *muta cum liquita* в одном случае (стк. 2) создавала бы позицию, а в другом (стк. 3) – нет. Первый дополняемый слог в стк. 3 должен был бы стать долгим, а в случае само

⁷ Jacob-Felsch M. Die Entwicklung griechischer Statuenbasen und die Aufstellung der Statuen. Waidassen, 1969. S. 62 и Typentafel в конце книги.

⁸ Ibid. S. 68. Anm. 215.

собой напрашивающейся синицезы (βοηθῶν) гекзаметр вновь укорачивался бы на целую стопу. Кроме того, gen. pl. Λαβρῦτῶν по 1-му склонению требует ударения *perispomenon*, а не *paroxytonon*, как в ed. princeps, а завершение стиха подобного размера на односложное и к тому же элидированное (!) слово для классической эпохи выглядит вообще беспрецедентным⁹. При условии распознавания гекзаметра в стк. 4 первый слог четвертой стопы неизбежно должен стать долгим, а последний слог пятой стопы, напротив, кратким, но не наоборот, как вытекает из чтения и дополнения первоиздателя (κράτει |^υ ἐξεδήλωσα |^υ |^υ). Даже при крайне сомнительном допущении двух следующих одна за другой синицез в стк. 6, третий слог слова *δαυατερὰ* волей-неволей вынужден был бы сохранить свою исконную долготу; его краткость, проистекающую от неверного разбора слова (см. выше), вряд ли резонно относить просто на счет «ошибочного написания *эпсилона* вместо *эты*» (с. 38). Наконец, наличие в одном фантомном гапаксе ἐπολιγο[δραρία] двух кратких слогов вместо диктуемых дактилическим размером обоих долгих заставляет лишней раз усомниться в правильности распознавания букв, вырезанных на соответствующем месте оригинала (см. выше).

Непредвзятый анализ метрики сохранившихся на камне строф приводит к однозначному выводу о том, что далеко не заурядный боспорский рифмотворец, получив высокий заказ и сочиняя эпиграмму по вовсе не ординарному случаю, не мог, во-первых, допустить столь непомерное количество метрических несуразностей, а во-вторых, не попытаться приравнять свой поэтический опус к уровню произведений современных ему выдающихся поэтов Эллады, оформив свой локальный шедевр в духе прочно укоренившегося к тому времени в стихосложении элегического двустишия. Подобное решение вопроса помогло бы избежать произвола как в чтении сохранившегося на камне текста, так и в метрическом оформлении дополняемых окончаний строф.

В действительности эпиграмма состоит из четырех элегических дистихов, последний из которых усечен на завершающий пентаметр. Подобные аномалии закономерного чередования гекзаметрических и пентаметрических строф зарегистрированы уже, по крайней мере, для ранней классики¹⁰. Из остальных нюансов метрики боспорского анонима следует отметить его удивительно настойчивую приверженность к хиатному столкновению долгих гласных с краткими по природе в соседних словах, с цезурой и без оной: Φοίβῳ Ἀπόλλωνι, τῷ ἐν Βλοσπόρῳ ἄρχῳν(?) Однажды допущена апокопе (стк. 5) и один раз синереза: πατέρα οἰκτιρήσ[ι] (стк. 6).

Лексика. Соображения, высказанные по поводу реконструируемой издательницей метрики, в значительной степени распространяются и на осмысление ею некоторых лексем в том виде, в каком они представлены в editio princeps.

1. Принимая во внимание тот несомненный факт, что уточнение: «владыка этого города лабритов» (стк. 3) следует прилагать не к «местному династу» (Октамасаду), но к Аполлону Фебу (см. ниже), восстанавливаемое в стк. 2 определение τῷ ἐν Λ[αβρῦτῃ], атрибуированное издательницей самому божеству, выглядит ни много, ни мало тавтологией – излишней и неуместной в нашем тексте.

⁹ Ср., для примера, редчайшее τε в SEG 96, II. 1. Издательница, к сожалению, не привела ни одного из «неоднократных», свойственных, по ее убеждению «практике эпического языка» (с. 37) примеров «усечения конечного гласного перед начальным согласным» (да еще и слова, начинавшего следующую строфу, да еще и без ассимиляции!) именно в предлоге ἐπί, в котором апокопе перед *tau* артикля засвидетельствовано, насколько мне известно, лишь в фессалийском (!) диалекте: Schwyzer E. Griechische Grammatik. Bd II. München, 1975. S. 465. Ничем не лучше и предлагаемый издательницей в Дополнении вариант: βασιλεῖ τι (с. 46), «при условии отнятия *эпсилона* и удлинения *альфы* и *йоты* в стопе 5». Чтение здесь царского титула продиктовано неверной атрибуцией к смертному сугубо сакральной формульной номинации (см. ниже).

¹⁰ Ср., к примеру, структуру эпитафий V в. из Египта: SEG. 171 – гекзаметр, за которым следуют два пентаметра, а далее два гекзаметра и пентаметр.

2. Слово сочетание conj. med. ἄτη σε – продукт неверного конструирования лексем из стоящих в стк. 5 букв – никак не может означать «уводи к себе», но только «уводи себя».

3. Возникший по той же причине dualis ταῖδε был бы уместен лишь в том случае, если впереди или, на худой конец, позади были бы указаны имена этих «обоих сыновей», по версии editio princeps, анонимных и лишенных патронимика.

4. Беспричинный переход начальной *сигмы* этнонима синдов в *кси* (Ξινδων) просто вслед за краткой гласной местоимения σε издательницей, естественно, никак не комментируется (ср. ниже).

5. Вынужденное исправление публикатором аккузатива личного имени в стк. 5 на датив (см. ниже), как и допущение «ошибочного написания эписилона вместо эты» в стк. 6 (см. выше), неизбежно ослабило с позиций эпиграфической методики предложенный вариант экзегезы.

6. Наконец, выражение ἐγβάλλων ἀρχῆν (восстановлена форма аккузатива вместо ясно читаемой на камне *сигмы* генитива!) никак не может означать «доводить царство» до определенного состояния, тогда как

7. ἐπολύο[δραβία] на поверку оказывается псевдогапаксом, который – как указано выше – не более чем продукт неверного распознавания букв оригинала.

В итоге необходимо коснуться изложенной на с. 40–46 editio princeps попытки исторического толкования новонайденного уникального документа, ключевые моменты которого приходится излагать в предельно лаконичной форме.

1. Т.В. Блаватская вычленяет в самом сердце Синдики, многократно описанной в античной традиции, обособленное скифское царство, правителем коего оказывается царь Октамасад скифского этноса, который к моменту сложения эпиграммы – хоть и оставался дружественным Боспору, однако якобы поддался влиянию царя синдов, преднамеренно не поименованного Левконом в Семибратней надписи. Причиной тому явились, по ее мнению, с одной стороны, военная слабость лабритянина, а с другой – то обстоятельство, что он оказался без поддержки боспорских династов, целиком озабоченных в то время борьбой за Феодосию.

2. Упомянутый Полиэном (VIII. 55) синдский царь Гекатей, лишенный своими подданными власти, сумел вернуть ее с помощью боспорского правителя Сатира I, поставившего себе целью «оторвать синдов от меотов».

3. Тем не менее, вскоре – в самом начале IV в. до н.э. – некий анонимный «Синд» напал на Лабриту, разрушил город и вынудил его правителя Октамасада «удержаться там лишь на условиях подчинения своему победителю», что и побудило Левкона лично прибыть на место и «покровительственным тоном» продиктовать зависимому от него «Октамасаду разорвать дружбу (?) с царем синдов ... доведшим царство до тяжелого [поражения]; ... именно этот Синд сначала разгромил царство лабритян, а затем заставил Октамасада вступить с ним в неравный союз [ранее названный дружбой?!] ... в итоге чего царь Лабриты был вынужден выдать заложникам своих сыновей».

4. Вследствие этих событий Левкон, реорганизовав свои владения, создал новый столичный град, названный по имени его младшего брата Горгиппией.

Движимый исключительно стремлением усовершенствовать чтение, воспроизведение, дополнение и осмысление опубликованного документа первостепенной важности автор этих строк – сознаться, не без долгих колебаний, решился вынести на суд читателя свой вариант перечтения и реинтерпретации памятника, отдавая себе безусловный отчет в том, что и его версия подвергнется неумолимому испытанию временем на ее релевантность¹¹.

¹¹ Предварительная версия текста, – разумеется, без подробного обоснования и с возможно кратким комментарием – уже была опубликована: Vinogradov Ju.G. // Bulletin épigraphique. 1996. 306; SEG. XLIII. 515. Ниже и она разбирается критически.

Прежде всего, необходимо отметить, что найденная на Семибратнем городище эпиграмма поэтически выдержана безупречно, и это понятно ввиду исключительной важности ее как политико-пропагандистского акта: в сохранившемся тексте не замечено ни единого нарушения законов метрики, правил греческой грамматики и лексико-фонетических норм, что с полным основанием заставляет усомниться в вероятности присутствия таковых и в пропавшей части. С другой стороны, сама неординарность случая, по которому был поставлен вотив Левкона, предполагает использование анонимным боспорским стихотворцем и незаурядных поэтических средств для передачи тех реальных военно-политических событий, откликом на которые и явилась его элегия. Это обстоятельство существенно осложняет задачу дополнения концовок некоторых строф, утративших в целом не так уж и много – от двух до пяти слогов, т.е. максимально полторы-две стопы. Следует тут же оговорить один из наипервейших методических принципов, призванный стать краеугольным камнем любой реконструкции этого непростого поэтического текста: вся скрытая в нем информация, бесспорно, должна была иметь самое непосредственно отношение к разыгравшимся в Синдике событиям, счастливый исход которых и побудил Левкона воздвигнуть по обету благодарственное приношение Фебу. Только полное соответствие содержания разобранных на камне и дополняемых слов и фраз вполне конкретной реальной ситуации, равно как и пропагандистским целям третьего Спартокида, сможет послужить пробырным камнем надежности эпиграфической, а за ней и исторической реконструкции.

При том, что содержание фразы, заключенной в строках 1–2, в целом понятно, неясным из версии *ed. princers*. остается лишь одно: что же конкретно «поставил» (στῆσε) Левкон на Семибратнем городище. Между тем, ответ на этот вопрос смог бы подсказать не только сам тип монумента – базы статуи, но и один только перечень тех объектов, названия которых, – предваренные, как правило, дейктическим местоимением, – в роли прямого дополнения сопровождают *verbum finitum* ἵστημι в архаических и классических *tituli dedicatorii*. Из их числа кроме *objet parlant* με (CEG 194, 845), голых указательных местоимений τόδε, τάδε (ср. ἄγαλμα / -ата: CEG 751, 878) и ряда специфических вотивов, например, храмов или статуй, посвященных конкретно названным богам и *viri honorati* (CEG 325, 816, 853, 859, 866, 878), требования метра диктуют исключить следующие термины: τόδε μῆμα, μῆμεῖον (CEG 390, 442, 824), τρόπιον (pl., CEG 794, 795, 877), στῆλην (CEG 792, 841). В итоге остается выбор между описательным τόδε δῶρον (pi: CEG 795, 22/23), конкретным, встреченным в это время и на Боспоре εἰκόνα τήδε (CEG 399, 762, 885 = CIRB 113: εἰκόνα Φοίβωι στῆσε), и, наконец, наиболее частым и ближе всего подходящим к нашему случаю τόδ' ἄγαλμα (CEG 316, 322, 429, 414: τόδ' ἄγαλμα... εὐχσάμενοι στῆσαν... Ἄρτέμιδι, 759: εὐξάμενος...στῆσεν ἄγαλμα τόδε; ср. 194: μ' ...ἄγαλμα στῆσε), из которых предпочтения заслуживает именно этот последний вариант.

Гораздо более существенным, но вместе с тем и проблематичным выглядит дополнение стк. 2. При разборе метрики и лексики текста выше уже была отмечена абсолютная неуместность тавтологии, проистекающей из восстановления *ed. princ.* ἐν Ἀ[αβρύτη], даже при условии коррекции топонима в Ἀ[άβρωι] (см. ниже), ибо местоположение в метрической структуре следующей строфы производного от него этникона явно обнаруживает в нем долготу *ипсилона* (Ἀαβρυτῶν ~ | - -), что не оставляет для имени города лабритов места в концовке пентаметра. Аутопсия издательницы¹²

¹² Блаватская. Ук. соч. С. 37: «В конце строчки [2], после предлога *εν* ясно заметен нижний конец наклонной черты, возможно остаток *альфы* или *лямбды*». *Альфа* здесь, в любом случае, должна быть эллинизирована как не создающая позицию для краткого *эпсилона* предлога (ср., впрочем, некоторую эволюцию отношения Ю.Г. Виноградова к такой возможности в связи с моим предложением дополнять тут название Азии – см. ниже примечание к реконструкции стк. 2 в полной версии документа. – Ф.Ш.-К.): если на камне и вправду сохранился самый кончик наклонной галсы, то речь, кроме *лямбды*, может идти

предварительно подвигла меня распознать здесь эпитет бога: τῶι ἐνλ[ογίμωι] – «прославленному, досточтимому» (см. прим. 11). Известный минус такому варианту ставит *usus* данного эпитета, восхвалявшего не столько богов, сколько выдающихся личностей или знаменитые города и святилища, в конце концов, священных животных: имена их были у всех на устах (ἐν λόγῳ)¹³. Ввиду этого обстоятельства ситуация могла бы откорректировать небольшая, но существенная модификация предложенного дополнения: τῶι ἐνλ[ογίμῳ τῆσδε πόλεωσ μεδέοντι, – т.е. «владыке этого прославленного города»¹⁴. Однако и в этом случае орфография предполагаемого эпитета явно диссонирует с облюбованными стихотворцем ассимилятивными формами, регулярно всплывающими в месте встреч конечного -ν с некоторыми консонантами (сткк. 3, 6, 7), особенно если учесть здесь его финальную позицию в префиксе при столкновении с плавным λ.

Этим, разумеется, не исчерпаны все возможные реконструкции второго стиха. Если все же, положившись на аутопсию *ed. princ.*, распознавать на изломе стк. 2 остаток не вертикали, а слегка наклонной гасты *ню* (см. прим. 12), то можно представить следующее восстановление: τῶι ἐν M[αῖταισ] τῆσδε πόλεωσ μεδέοντι – «Аполлону, владеющему в стране меотос этим городом лабритов». Не столь уж серьезную преграду на пути такого воссоздания фразы ставит следующий период стиха, из которого вытекает, что город лабритов лежал в земле не меотос, а синдов (стк. 5: γῆσ ἐΞίνδων). Ибо, как следует из достоверного сообщения Страбона (XI. 2. 11: Τῶν Μαίωτων δ' εἰσὶν αὐτοῖ τε οἱ Σινδοὶ καὶ Δαυδάριοι κтл.), «меоты» были собирательным этнонимом для целого ряда племен Прикубанья и Меотиды, в число которых первыми входили и «сами синды». Не противоречит такой трактовке и «царская» титулатура Левкона, в которой поначалу конкретно именовались подвластные ему синдо-меотские племена (синды, тореты, дандари, псессы), а в конце его правления, как и при его преемнике Перисаде, их перечень был резюмирован до Σίνδων καὶ Μαίτων πάντων, при этом синды занимают во второй, царской части бинарной титулатуры такое же особое место, как и Феодосия в первой – «архонтской» (подробнее см. ниже). Более серьезную сгук разбираемого варианта налагает опять же допущение неожиданного отказа боспорского стихотворца от полюбившейся ему ассимиляции, тогда как в одной даже прозаической эпиграфии времени Левкона КБН 180 мы с нею встречаемся (ἐμ Μαῖταισ).

Продуктивнее, видимо, было бы двигаться все-таки на поиски завершающей строку 2 лексемы с инициальной буквой, левую крайнюю гасту которой составляла вертикаль, к примеру, Π; встреча ее с *ню*, как следует из ἐΞίνδων παῖδ' в стк. 5, не обязательно влекла за собой ассимиляцию. В таком случае в конце строки мог бы стоять топографический детерминатив: ἐν π[εδίωι], т.е. «городом на равнине», что без соответствующего эпитета выглядит все же как *bouche trou*. Более привлекает вариант: τῶι ἐν π[έρασιν]/τῆσδε πόλεωσ μεδέοντι Λαβрутῶμ, тогда имя лабритов должно выступать атрибутом одновременно и города и края, т.е. «владеющему в крайних пределах лабритов этим городом». Удачная параллель отыскивается в знаменитой раннеэллинистической эпиграмме (Moretti. ISB. II. 73 = CEG 878.10) с описанием охоты Александра Великого, сразившего льва «в дальних пределах сирийцев, пасущих овец» – οἰονόμων ἐν περάτεσσι Σύρων. Однако и данный вариант не безупречен ввиду «дальней» (даже для стихов) дистанции между этнонимическим определением – лабритами, и указанием области обитания их на крайних рубежах Боспорской державы.

лишь о *ню*, ежели – как то позволяют судить фото и прорись *ed. princ.* – не исключен и слегка отогнутый влево (как и в прочих местах надписи) апекс вертикальной гасты, то в расчет могут приниматься только *ню*, *пи* и *ро*, тогда как прочие допустимые согласные (*гамма* и *каппа*), скорее всего, повлекли бы за собой ассимиляцию *ню* предлога (ср. сткк. 3, 6, 7 bis).

¹³ Литературные примеры см. LSJ, s.v.; в эпиграфике – Syll.³ 803.8/9: τῶν ἐνλογίμων πόλεωσ; OGIS 56.9: τῶν ἐνλογίμων ἱερῶν ζώων, в стихотворных надписях – Peek. GVI. 316: τῶν σοφῶν ἐλλόγμων.

¹⁴ Ср. Herod. II. 176: τοῖσι ἱροῖσι πᾶσι ἐλλογμοῖσι, о знаменитых святилищах Египта.

Все вышеперечисленные pro и contra побуждают меня вообще оставить строку 2 пока без дополнения, двинувшись дальше.

В употребленной в стк. 4 идиоматической паре инструментальных терминов μάχη καί κράτει второй, как справедливо отмечено первоиздателем (с. 37), означал «победу», что делает все выражение синонимом обычного: μάχη κρατῆσαι (Eur. Neg. fur. 612; Dem. XVIII. 193) – «одержать победу, одолеть в сражении». Поэтому копулятивная связь обоих – не составляющих собственно hendiadys – понятий посредством союза τε καί – выглядела бы странной даже в нашем поэтическом тексте¹⁵. Отсюда напрашивается логический вывод, что союзная энклитика τε сочетала топоним Θεοδοσίας с другим местным названием одинакового ранга, стоявшим выше в предыдущей строке и начинавшимся с *беты*, которым – как подсказывает потестарная номенклатура Спартокидов – мог быть только Β[οσπόρῳ], что и было предложено мною вслед за публикацией эпиграммы из Лабриса (см. прим. 11).

Гораздо более ответственную проблему составляет поиск стоявшего в лакуне стк. 3 двусложного слова, явно начинавшегося с гласного и имевшего самую тесную по смыслу связь с Боспором и Феодосией. Вопрос этот неразрывно связан с выяснением объекта главной акции Левкона, выраженной бесспорно читаемой на камне глагольной формой ἐξελ[άσας]¹⁶: кого же именно и откуда «изгнал» основатель династии Левконидов? Стоящее за этим предикатом личное имя, в соответствии с чтением данного глагола как ἐξεδ[ήλωσα], в первоиздании представлено формой Ὀκταμασάδε(ι), т.е. «дательного падежа, утерявшего, согласно правилу, перед следующей альфой йоту» (с. 37). Не совсем, правда, ясно, о каком правиле идет речь и почему оно не сработало дважды в стк. 2 (Φοίβωι Ἀπόλλωι, τῷ ἐν) и только что перед этим в стк. 4 (κράτει ἐξ-). Не выручает здесь и предположение об ионийском сокращении дифтонга перед гласными (ει > ε), поскольку при корректном чтении стоящего впереди глагола сам вопрос об управлении им дативом отпадает. Поэтому поначалу казалось, что личное имя должно стоять в voc. Ὀκταμασάδε, идущая за ним *альфа* принадлежит conj. ᾄτης, а неперенное при ἐξελαύνω прямое дополнение следует искать в лакуне стк. 4: Β[οσπόρῳ ἐχθροῦς?] Θεοδοσίας τε μάχη καί κράτει ἐξελ[άσας] («(Левкон), одолев в битве, изгнал врагов Боспора и Феодосии (или с Боспора и из Феодосии)»). В такой синтаксической конструкции новая, самостоятельная часть эпиграммы вводится призывом к Октамасаду убрать от синдов сына Гекатея, узурпировавшего власть своего отца и за то проклятого и недостойного упоминания по имени в торжественных стихах.

Разработанный и предварительно анонсированный вариант реконструкции и реинтерпретации текста эпиграммы (см. прим. 11) стал предметом плодотворного, дружеского диспута per litteras с С.Р. Тохтасьевым, которому вместе с излагаемой ниже экзегезой принадлежат expressa verba моей искренней признательности за бескорыстные усилия приблизить оптимальное истолкование этого важнейшего исторического источника. Решающим моментом для экзегета стала не столько атрибуция имени Октамасада к s-основам 3-го склонения¹⁷, сколько, прежде всего, определение в надписи его падежной формы как асс. sing. Ὀκταμασάδεα, невзирая на то, что в боспорской¹⁸, как и северопонтийской¹⁹, да и в греческой эпиграфике в целом, вин. пад. личного имени s-основ, как и ā-основ, оканчивался на -τι, а не на -εα. Как уже

¹⁵ В эпосе μάχη сочетается с родственными по смыслу терминами либо через καί либо через τε, как следует из примеров, приводимых у LSJ (e.g. μ. καί δηϊότης, μ. ἐνοπή τε, ἔρις τε... πόλεμοί τε μάχαί τε).

¹⁶ Нельзя исключить здесь вовсе и эпическую форму аориста ἐξελ[άσεν], хотя и создающую известные синтаксические проблемы при паратаксе сказуемых asyndeton: part. aor. + aor. fin. + (part. pres.?) + aor. fin. Для словоупотребления ср. историческую эпиграмму 303 г. до н.э. об изгнании из Аргоса тирана Плейстарха (Morelli. ISE. I. 39 = SEG. 816.5): ἐξ οὗ Πλείσταρχον νύκ[τι]ωρ ἐξήλασε Ἀπόλλων.

¹⁷ На что было обращено внимание уже в первоиздании – с. 37, прим. 10.

¹⁸ КБН, 20: Παρισάδην (III).

¹⁹ IOSPE. I².352.35: Παρισάδαν (V).

давно было замечено, звуковое подобие окончания асс. sg. -ῆν $\bar{a}$ - и s -основ привело к смещению типов: мужские $\bar{a}$ -основы стали образовывать gen.sg. на -εος или -ευς, e.g. Πατρισάδεος, Πυθαγόρεως наряду с Πυθαγόρεω. Что касается окончания асс., то отмечалась регулярная встречаемость формы -εα (наряду с -ῆν) только в рукописях Геродота – при передаче тех же мест его труда в папирусах по большей части через -ῆν и полное отсутствие формы -εα в надписях²⁰, – откуда диалектологами делался оправданный вывод об асс. -εα как Erfindungen der Grammatiker²¹. Однако еще А. Тумб в начале века предостерег: «Формы аккузатива, такие, как Ἄρισταγούρεα (наряду с Ἄρισταγόρην) и т.п., нельзя поэтому просто отбрасывать как гиперионизмы, даже если до сих пор в надписях засвидетельствованы только Ἄρισταγόρην и т.д.»²².

Взвешивая все pro и contra, а также учитывая прежде всего то весомое обстоятельство, что боспорский сочинитель, пожелав он поставить имя Октамасада в вин. пад, – несколько не греша против метра, мог бы спокойно употребить форму Ὀκταμασάδην, я и предложил поначалу читать на камне voc. этого личного имени, от чего теперь – после долгих раздумий и сомнений – вынужден отказаться. Самый серьезный контрдовод состоит в том, что ежели асс. -εα подобной антропонимической парадигмы до сих пор в эпиграфике не встречен, то voc. -εε вообще трудно вообразим: по типу s -основ он был бы Ὀκταμάσάδεε, а по типу $\bar{a}$ -основ Οκταμασάδα, или скорее (как у ионийских лириков и в надписях) – Ὀκταμασάδη²³. Не остается иного выхода, как признать, что в лабритской эпиграмме мы встретились с уникальным пока в греческой эпиграфике примером асс. -εα личного имени на -ῆς.

Отсюда незамедлительно следует пара кардинальных метаморфоз, тут же и реализованных С.Р. Тохтасьевым. Коль скоро part. ἐξελε[ύσας] получает прямое дополнение в лице Октамасада, то лакуну стк. 3 вполне логично заполнить обычным титулом Левкона: Β[ιοσπόρ]ῳ ἄρχῳν/Θεοδοσίης τε²⁴. После отторжения у conj. ἄῆν, ἄῆς в стк. 5

²⁰ *Bechtel F.* Die griechischen Dialekte. Bd III. B., 1963. S. 140; *Thumb A., Scherer A.* Handbuch der griechischen Dialekte. Bd 2. Heidelberg. 1959. S. 270, § 312, 2b. Характерно, что автор новейшего исследования об ионийском диалекте, построенного исключительно на богатейшем материале эпиграфики, даже не упоминает об асс. sg. этих основ: *Stüber K.* Zur dialektalen Einheit des Ostionischen. Innsbruck, 1996. S. 101–103.

²¹ См., например: *Bechtel.* Op. cit. S. 140.

²² *Thumb A.* Handbuch der griechischen Dialekte. Heidelberg, 1909. S. 355; повторено: *Thumb, Scherer.* Op. cit. S. 270. Наиболее подробно феномен гетероклизы классифицирован и разработан в кн.: *Rosen H.B.* Eine Laut- und Formenlehre der herodoteischen Sprachform. Heidelberg, 1962. S. 71–74. § 21.244–2452.

²³ Ср. *Bechtel.* Op. cit. S. 136; *Thumb, Scherer.* Op. cit. S. 270: Μασσαλίῆτην.

²⁴ В нашей эпистолярной дискуссии я отмечал значительную – даже для стихов – оторванность титула Левкона в конце стк. 3 от его имени в начале стк. 1, требовавшую к тому же копулятивного причастия типа ἐὼν. Это затруднение преодолеть просто, трактуя ἄρχῳν не как его субстантивированный элемент – ὁ ἄρχῳν, но как деепричастный оборот «правя Боспором и Феодосией» (Данная трансформация тем естественнее, что она вытекает, с одной стороны, из семантики титула как такового – «правлящий, управляющий и т.д.», обоснованию и иллюстрированию чего я в свое время уделил значительное внимание (см. *Шелов-Коведяев. История Боспора... С. 89; Shelov-Kovedaev. Op. cit. P. 327; Шелов-Коведяев Ф.В. Замечания о динамике титулатуры Спартокидов // Древнее Причерноморье. Одесса. 1990. С. 177*), с другой – из морфологического тождества форм причастий и деепричастий в греческом языке. Настоящая эпиграмма, а также недавно опубликованное посвящение из Нимфея, где Левкон I впервые в полном тексте назван правящим (ἄρχῳν) еще и всей Синдикой и торетами, и дандариями, и пессами (что укрепляет реконструкцию КБН ба) (Соколова О.Ю. Новая надпись из Нимфея // *Древности Боспора. Т. 4. М., 2001. С. 368–376*) как нельзя лучше доказывают справедливость моего утверждения о том, что, во-первых, ἄρχῳν титулатуры ранних Спартокидов еще не был субстантиватом, ведь его коррелят βασιλεύων никогда не превращался в существительное (ὁ βασιλεύων), и, во-вторых, на протяжении всего IV в. до н.э. их титул являлся причастным оборотом с линией развития «правлящий» → «правлящий и царствующий» (ἄρχῳν → ἄρχῳν καὶ βασιλεύων). Отождествление же его первого компонента с иным (о чем уже раньше писал Ю.Г. Виноградов) по содержанию субстантивированным термином произошло позже, когда во второй части титулатуры на смену причастию βασιλεύων пришло существительное ὁ βασιλεύς, и сама она превратилась в формулу ἄρχῳν καὶ βασιλεύς. В остальном приходится сожалеть, что О.Ю. Соколовой неизвестны перечисленные выше наблюдения, отчего она

альфы в пользу Октамасада перед нами вырисовывается еще один суперизыск поэтических упражнений боспорского рифмотворца: γῆς с предлогом ἐκ в постпозиции, ассимилировавший в красисе инициальную сигму этнонима. – ἐΞίνδων²⁵, тогда как без ущерба для метра и смысла можно было обойтись и не столь претенциозным: γῆς τῶν Σίνδων. Этот турнюр, однако, весьма поучителен, так как лишний раз предостерегает от прямолинейных дополнений некоторых лакун там, где запросто можно ожидать новых стилистических красот.

В отличие от начальных стихов восстановление оставшихся не представляет таких сложностей. Не стоит, по-видимому, долго распространяться о том, что лакуна между элидированным παῖδ', коррелирующим с предшествующим ему асс. личного имени Октамасада и титулом синдского царя в gen. в стк. 6 должна была содержать отчество царского сына: две начальные буквы ЕК на обломе стк. 5 дают полное право отнести патронимик к знаменитому Гекатею – правителю синдов, хорошо известному по рассказу Полиэна о меотянке Тиргатао! В пользу такой идентификации может говорить удивительная, доходящая почти до изофраз корреляция исторической информации, содержащейся в Полиэновой новелле и в последнем придаточном предложении лабритской эпиграммы. Согласно Полиэну (VIII. 55), супруг Тиргатао – царь синдов (βασιλεῖ Σίνδων) Гекатей был изгнан из своей державы (ἐκπεσόντα τῆς ἀρχῆς): согласно строкам 5–7 надписи из Лабриса, Октамасад, сын царя синдов Гекатея, изгнал некогда своего отца из его владений: 'Οκταμασάδεα... παῖδ' Ἐκ[αταίῳ] τοῦ Σίνδων βασιλέως, ὃς πατέρα... ἐκβάλλων ἀρχῆς.

На обломе стк. 6 вслед за πατέρα стоит ровно половина окружности, в которой первоиздатель распознал *омикрон*, хотя и *омегу* исключать вовсе не приходится. Следуя аутопсии издательницы, я дополнил здесь ионийско-эпическую форму прил. οἰκῆϊος], однако в отличном от ed. princ. значении: не как «смертоносную дружбу» (θ[α]υατερὰ οἰκέια), но как определение державы, власти, трона Гекатея, которых он был в свое время лишен родным сыном – οἰκῆϊος ἀρχῆς. Рядом стоящее πατέρα заставило, видимо, боспорского сочинителя предпочесть эту пару синонимичной πατρία ἀρχή, постоянно встречаемой у авторов²⁶. Если принять во внимание, что уже с ранней классики οἰκέϊος синонимично ἴδιος в сочетании с γῆ, χθών, χώρα, и просто как субстантивированное ἡ οἰκέια стало означать «своя собственная, родная страна, отчина»²⁷, то данный пассаж эпиграммы нетрудно понять в том смысле, что Октамасад прогнал своего отца Гекатея из его же собственного царства²⁸.

Наконец, последняя трудность заключается в выяснении той акции Октамасада, которая была выражена начинавшейся на *kanny* аористной формой четырехсложного глагола, стоящего в конце эпиграммы. Учитывая направление движения, переданное предшествующим выражением εἰς τῆνδε πόλιν, наиболее реальными выглядят два варианта. В предварительной версии я предложил дополнить здесь глагол κ[ατέκλεισεν], понимая всю ситуацию так, что Октамасад, свергая родного отца с родового трона, заточил его в этот город, т.е. Лабрис (см. прим. 11)²⁹. Однако в этой связи остается не совсем понятным, с какой целью боспорский стихотворец, явно выполнявший пропагандистский заказ своего сюзерена Левкона, включил эту,

---

находится в плену мифических представлений о Левконе как «архонте», даже не пряча это слово в кавычки. – Ф.Ш.-К.).

²⁵ Для подобного ассимилятивного красиса ср. *Threatte K. The Grammar of Attic Inscriptions. I. B., 1980. P. 586: ἐΞάμο* etc. (после Эвклида); *IG. XII. 5, 6S3 = Bielman A. Retour à la liberté. Lausanne, 1994. 52.31: ἐΞύρου = ἐκ Σύρου.*

²⁶ Ср. выборочно: *Xen. Anab. I. 7. 6; Polyb. 3. 5. 2: Αἰαιράτης, ἐκπεσὼν ἐκ τῆς ἀρχῆς... ἀνεκτῆσατο... τὴν πατρίαν ἀρχήν; Memnon. FGtH 434 F 22, 4: о требовании римского Сената, предъявленном Митридату Евпатору, вернуть скифским царям их τὰς πατρίδας ἀρχάς, т.е. полноту власти в их родовых владениях.*

²⁷ Ср. выборочно: *Soph. Ajax 859, Ant. 1203; Herod. I. 64; Arist. Pol. II. 6. 4. 1265 a 24; 9, 8, 1270 a 1.*

²⁸ Ср. адекватное место: *Polyb. 22, 18, 3: ἐξέβαλε... ἐκ τῆς ἰδίας ἀρχῆς.*

²⁹ Ср. аналогичные действия Гекатея по отношению к своей супруге Тиргатао (*Polyaen. VIII. 55*): ἐς ὄχυρον δὲ φρούριον καθείρξας.

в принципе побочную, информацию в свое сочинение, не ограничившись просто упоминанием о противоправном свержении родного отца нечестивым сыном. Скорее и здесь следовало бы ожидать превознесения каких-то конкретных заслуг Спартокида перед этим городом лабритов, где и был воздвигнут монумент: избавление от некоей опасности, наказание Октамасада за какие-то действия, направленные в ущерб Лабрису и т.п. Поэтому в качестве запасного варианта я склонен предложить восстановление здесь глагола κ[ατέθρεξεν?]; иными словами, свергая некогда своего родителя с трона, Октамасад совершил разбойничий набег на город лабритов. Аттическая форма аориста³⁰ в сочинении боспорского анонима не покажется неожиданной, если принять во внимание тесные политические, экономические и культурные связи, которые наладили с Афинами именно Сатир и Левкон. Обычно глагол кататρέχω имеет при себе прямое дополнение, однако у Аристотеля (fr. 66, 1486 b 44) мы встречаем: ληστὰι καταδραμόντες εἰς τὸ χωρίον. При всех указанных допущениях разобранный вариант представляется вполне уместным хотя бы по причине его удивительного фразеологического параллелизма разбираемому ниже свидетельству Полиэна.

Подводя итог текстологическому анализу, нельзя не сказать несколько слов о художественной стилистике этого поэтического произведения. Сочинитель его, используя апробированные в архаическом и классическом стихосложении приемы (part. + verbum finitum), сумел удачно обыграть стилистические антитезы, дабы противопоставить доблесть главного героя-победителя злодеяниям антигероя: Левкон, правя своей державой – Боспором и Феодосией, еще и прогнал Октамасада из земли синдов, покарвав тем самым нечестивца-узурпатора, изгнавшего из Синдской державы родного отца. Трудно не заметить лексико-антитетического параллелизма: [ἄρχων] – ἀρχῆς, ἐξέλα[άσας] – ἐγβάλλων.

В итоге можно представить весь текст надписи в следующем виде:

Εὐξάμενος Λεύκων υἱὸς Σατύρ[ὸ τὸδ' ἄγαλμα?]
 Φοίβωι Ἀπόλλωμι στήσε τῷ ἐν [Ἀσίῃ?]*
 τῆσδε πόλεως μεδέοντι Λαβρυτῶμ Β[οσπόρῳ ἀρχων]

³⁰ Вместо обычного аог. 2 κατέδραξε, который не подходит по стихотворному размеру из-за краткой альфы. Аог. 1 отτρέχω (один и с префиксами) считается староаттическим и употребляется уже Еврипидом, Аристофаном и в надписях: см. LSJ; *Theatre L. The Grammar of Attic Inscriptions. II. Morphology. V., 1996.*

** Дополнение напрашивается по многим обстоятельствам. Во-первых, оно исторически оправдано в широком смысле: учитывая пропагандистский характер памятника, естественно ожидать в нем после присоединения Феодосии (ср. ее упоминание не только в титулатуре, но и декретах Левкона сразу после ее завоевания) маркированного акцента на дальнейшее освоение азиатского берега Боспора. Во-вторых, понятно торжество по поводу актуализации мощного фактора идеологического обеспечения успешной реализации проекта – утверждения в благодарности за победу культа верховного покровителя северо-понтийских, в частности боспорских, апойков – Аполлона в ипостаси грозного и могущественного неотартичностью возмездия Феба – тирана, само имя которого обнаруживает тесную с ним связь. В-третьих, оно уместно исходя из конкретной ситуации, в коей была явлена миру очередная доблесть Левкона и которая целиком разворачивалась на землях, прилегающих к Понту с северо-востока. В-четвертых, не забудем о восточных, азиатских корнях верований аполлонийского круга. В-пятых, сами древние обозначали данную территорию как просто «Азию» (ср. знаменитую ремарку Стефана Византийского о Гермонассе ως Ἐκαταῖος Ἀσία). Недаром ведь в обиход современной науки давно и прочно вошла идиома «Азиатский Боспор». Проблема в том, что краткое а в его дебюте, если следовать правилам высокого стиля, не создает необходимой долготы в предшествующей ему позиции. В любом случае, прочие версии, разобранные выше самим Ю.Г. Виноградовым с отрицательным результатом, не оставляют другого выхода, как считать пропавшей уточняющую локализацию, начинающуюся на гласный звук. Он отнесся к реконструкции с осторожным интересом, ибо считал вотиз выдающимся сочинением, специально подчеркивал отсутствие в его сохранившейся половине каких-либо метрических изъянов и предостерегал от аналогичных соблазнов новейших интерпретаторов. С.Р. Тохтисьев же, напротив, упрощает задачу, оценивая автора стихов как вполне заурядного стихотворца. Полагаю, что истина лежит где-то между этими крайностями, тем более что и великие поэты Эллады порой позволяли себе некоторые вольности в обращении с метром. Уважая законы жанра, я помечаю мою конъектуру вопросом, хотя гиперакрибия мне самому всегда казалась мертвенной. – Ф. Ш.-К.).

Θευδοσίης τε μάχηι καὶ κράτει ἐξελ[άσας?]
5 Ὀκταμασάδεα γῆς ἐΞίνδων παῖδ' Ἐκ[αταίῳ]
τοῦ Σίνδωμ βασιλέως, ὃς πατέρα ο[ικητῆς?]
ἐγβάλλων ἀρχῆς εἰς τῆνδε πόλιυ κ[ατέθρεξεν?].

1. [ἀρχων] – ed. gr., [τόδ' ἄγαλμα] – Vin. BE; sive [εἰκόνα τῆνδε] vel [τόδε δῶρον] || 2. ἐν Λ[αβρούτῃ] – ed. gr., ἐνλ[ογίμωι?] – Vin BE || 3. β[οσηθῶν ἐπ'] – ed. gr., Β[οσπορόδ ἐχθρούς?] – Vin BE, Β[οσπορόδ ἀρχων] – Toch. || 4. ἐξεδ[ήλωσα] – ed. gr., ἐξελ[άσας] – Vin. BE || 5. Ὀκταμασάδε(ι). ἄγη σε Ξίνδων παῖδε κ[αὶ λυε] – ed. gr., Ὀκταμασάδε ἄγης ἐΞίνδων παῖδ' Ἐκ[αταίῳ] – Vin. BE, Ὀκταμασάδεα γῆς ἐΞίνδων – Toch. || 6. θ[α]νατερὰ ο[ικεῖα ἐχθρὸς μὲν?] – ed. gr., ὃς πατέρα ο[ικητῆς] – Vin. BE || 7. ἀρχή[ν] εἰς τῆν ἐπολιγο[δραῖαν?] – ed. gr., ἀρχῆς εἰς τῆνδε πόλιυ κ[ατέκλεισεν?] – Vin. BE.

Перевод: «Принесли обет, Левкон, сын Сатира, поставил (эту статую) Аполлону Фебу, владеющему в (Азии?) этим городом лабритов. (Правя) Боспором и Феодосией, он, одолев в битве, изгнал из земли синдов Октамасада, сына синдского царя Гекатея, который, лишая отца (родовой) державы, (совершил набег?) на сей город».

АНТРОПΟΝΙΜΙΑ, ΤΟΠΟΝΙΜΙΑ, ΦΡΑΣΕΟΛΟΓΙΑ

Из всех упомянутых в лабритской надписи личных имен: Λεύκων, Σάτιρος, Ἐκαταίος, Ὀκταμασάδης аналитического разбора заслуживает лишь последнее, поскольку исторические носители остальных трех хорошо известны из литературной и эпиграфической традиции. Личное имя Ὀκταμασάδης прежде было засвидетельствовано лишь Геродотом в печально знаменитой истории скифского царя Скила (IV. 80) как имя его сводного брата, рожденного их общему царственному отцу Ариапифу дочерью одрисского царя Тереса. Исходя из принадлежности единственно известного до тех пор Октамасада к скифскому царскому роду издательница эпиграммы распознала в его омониме «царевича со скифским именем». Отсюда был сделан гипотетический вывод: «Вполне реально, что в начале V в. дружина восточнотаврических скифов, возглавляемая энергичным вождем, захватила небольшую территорию в Синдике, подчинив себе живших там синдов. Обосновавшийся здесь скифский правящий род энергично поддерживал взаимовыгодные связи с Боспором, что определило и постоянное жительство греков в Лабрите. Одновременно на протяжении V в. до н.э. владыки Лабриты сохраняли традиционные связи со своими царственными родичами в Скифии, в свою очередь не терявшими связи с родственными им царями Одрисов во Фракии» (с. 43). Несмотря на осознанную самим автором «хрупкость построенной гипотезы», она, как уже сказано, успела найти сочувствие и развитие (см. прим. 5).

Чтение Ὀκταμασάδε в предварительной версии также дало мне основание предположить, что Октамасада был царем скифов, однако власть его простиралась отнюдь не над скифским анклавом в Синдике: известные связи Боспора и Скифии дали Левкону основание обратиться к Октамасаду за военной поддержкой для одержания победы над Гекатеевым сыном, узурпатором синдского трона (см. прим. 11). Теперь, после изложенной выше откорректированной экзегезы текста в стк. 5, от такого распределения ролей следует отказаться, поскольку Октамасада выступает на сцене не как скифский царь, но как наследник царя синдов Гекатея. Однако остается вопрос, почему правитель Синдики Гекатей со столь ярко выраженным ионийским, еще конкретнее, милетским именем³¹ назвал своего сына именем, известным только в царском скифском роду.

³¹ Ср. *Ehrhardt N. Milet und seine Kolonien. Frankfurt, 1988². S. 174 f. Anm. 913–933.* Удивительна ремарка М. Ростовцева (Амага и Тиргатао // ЗООИД. 1915. XXXII. С. 65) о том, «что имя Гекатей ни разу не встречается в эпиграфике Пантикапея», когда уже в его время были известны три надгробия из боспорской столицы с этим антропонимом: КБН 117, 121, 130. Исходя из чисто греческого характера имени царя

Во-первых, насколько мне известно, никем не была предложена иранская этимология личного имени Ὀκταμασάδης, напротив, обоснованная гипотеза о фракийском его происхождении высказывалась³². Во-вторых, хорошо известен эпизод из жизни семьи Ариапифа, когда его другая жена, гречанка из Истрии, обучила их сына Скила, брата Октамасада, эллинскому языку и грамоте (Herod. IV. 78), что допускает активное участие супруг этого скифского царя, причем из разных этносов, в наречении именами их отпрысков³³. В-третьих, появление эпихорических имен в иносетной среде (включая правящие фамилии) могло быть продиктовано разными причинами, такими, как династические браки, политические контакты и влияния и т.п.³⁴ Наиболее красноречивые примеры дает правящий дом Сатира I, нарекавшего сыновей чисто греческими именами Левкон, Горгипп и Метродор, тогда как средний сын Горгипп окрестил свою дочь эпихорическим (фракийским?) именем Комосария³⁵, а сына (?) именем мифического предка Ахеменидов Орхама³⁶. Вспомним в этой связи, что синд с грекоязычным именем Гекатей как раз и был связан династическими брачными узами с меотской царевной Тиргатао, представительницей хоть и родственного, но все же иного этноса.

Наконец, имеется еще источник, свидетельствующий о присутствии личного имени «Октамасад» на территории азиатского Боспора. Речь идет о найденном в 1967 г. при раскопках Гермонассы донце чернолаковой аттической чаши типа *cup-skyphos*, датируемой ок. 480 г. до н.э.³⁷ На внешней поверхности дна была аккуратно вырезана в редчайшей для граффити манере стойхедон³⁸ пятистрочная надпись, впоследствии умышленно и основательно выскобленная, поверх и поперек которой новый собственник (?) размашисто начертал свой маркировочный инициал (?) ΕΥ. Длительное изучение первоначального уничтоженного текста позволило все же восстановить его практически полностью:

1	Ὀκταμασία – ΣΤΟΙΧ. 9 δεος εἰμί τ- ὄ φιλοπότε- ος ΛΙ ἐκλέυ- 5 εσσα.	«Я чаша Октамасиада, любителя выпить; всегда (?) ты выбираешь меня (?)».
---	--	---

Основную трудность для интерпретации составляют неудовлетворительно сохранившиеся 3-я и 4-я буквы стк. 4, допускающие разные варианты толкований. Наиболее естественно, учитывая, что перед нами *objet parlant*, усматривать в них местоиме-

---

Гекатея и факты повторного водворения его на троне Сатиром, Д.П. Каллистов (Очерки по истории Северного Причерноморья античной эпохи. Л., 1949. С. 152 сл.) безапелляционно заявил, «что в качестве наместника синдской территории был назначен в данном случае грек», что теперь, в свете лабритской надписи, бесспорно переключено в область беспочвенных утверждений.

³² Бешевлиев В. Проучвания върху личните имена у траките. София, 1965. С. 14 сл. = *Beševliev V. Untersuchungen über die Personennamen bei den Thrakern*, Amsterdam, 1971, S. 12–14. Автор сопоставляет личное имя Октамасад с одним из известных сыновей Тереса по имени Μαισάδης и объясняет его появление в роду Ариапифа браком последнего с дочерью Тереса. В известных исследованиях В. Томашека, Д. Дечева и Л. Згусты интересующее нас имя отсутствует.

³³ Ср. в этой связи тонкий комментарий Альдо Корчелла: *Erodoto. Le Storie*. V. IV. 1993. P. 297–299, ad IV, 78 et 80.

³⁴ Ср. *Vinogradov Ju.G. Pontische Studien*. Mainz, 1997, S. 163 f.

³⁵ Ср. *Zgusta L. Die Personennamen der griechischen Städte der nördlichen Schwarzmeerküste*. Praha, 1955. S. 281 f. § 564; *Detschew D. Die thrakischen Sprachreste*. Wien, 1976. S. 252 f. См. *Яйленко В.П.* Ольвия и Боспор в эллинистическую эпоху // *Эллинизм*. Т. I. М., 1990. С. 289 сл.

³⁶ Ср. *Sparkes B., Talcott L. Black and Plain Pottery. Athenian Agora*. XII. Princeton, 1970. P. 276. № 578. Хранится в ГМИИ (ТмГ-67. шт. 35, № 130. ТмГ-5).

³⁷ Благодарю А.К. Коровину, предоставившую мне этот памятник для публикации.

³⁸ Из единичных аналогий укажу на синхронное граффито с Афинской агоры: *Lang M. Graffiti and Dipinti // Athenian Agora*. XXI. Princeton, 1976. P. 14. C. 21.

ние με (менее вероятно – заимствованную форму μι), однако первый полустертый знак лексемы более напоминает *альфу*, *дельту* или *лямбду*. И поскольку глагол διεκλέυω пока не засвидетельствован, а крайне редкое λι=λίαν не подходит по контексту, то не остается иного выбора, кроме как распознать за этими двумя буквами эолийско-лесбийскую форму наречия ἀί=ἀεί³⁹, т.е. «постоянно, всегда», с эллипсом (sc. ἐμέ), в чем убеждает и форма следующего за ним глагола. Но коль скоро после концевой *альфы* надписи никаких следов букв не заметно, следует, видимо, согласиться с тем, что перед нами эолийское окончание 2-го лица ind. praes. -εσθα⁴⁰, со знакомой и лесбосскому диалекту геминированной сигмой⁴¹. Если вышеприведенные наблюдения признать весомыми, то при известном смещении в нашем граффито эолизмов с ионизмами (εἰμί вм. εῖμι, возможно, ε̄=εἰ в ἐκλέυεσθα)⁴², характерным и для прочих ранних надписей Гермонассы (SEG. XLIV. 659), следует признать и заслуживающим полного доверия никем более не дублирующееся свидетельство Арриана (FGh 156 F 71), согласно которому, Гермонасса была наречена «по Гермонассе, жене Семандра, некоего митилонца, который переселил в апойкию некоторых эолийцев и скончался при основании города, жена же его овладела городом и дала ему свое имя», хотя достоверность этой исторической справки и подвергалась критике⁴³.

Наиболее важным и неожиданным оказалось встретить в гермонасской надписи уже в третий раз (*и в близкое первым двум фиксациям время*. – Ф. Ш.-К.) слегка модифицированное личное имя Ὀκταμασιάδης, причем, судя по контексту, не как аллюзию на печально знаменитого современника-скифа царского рода, но явно как имя владельца сосуда. Будь он скифом⁴⁴, фракийцем или эллином, нареченным по неизвестным причинам данным эпихорическим именем (см. прим. 35), его появление на азиатском Боспоре по соседству с синдами как нельзя лучше доказывает распространение данного антропонима на довольно широком ареале и в самой разной этнической среде, что делает бесплодными дальнейшие попытки распознавать в Октамасаде лабритской надписи правителя скифов и постулировать тем самым наличие скифского анклава на территории Синдики: совершенно очевидно, он был отпрыском и наследником синдского царя Гекатея.

Лапидарный документ с Семибратнего городища бесспорно обогатил наши сведения и по локальной топонимии, подарив нам, что не часто случается в эпиграфике, древнее название поселения, которое десятилетиями исследуется археологами. Первоиздательница восстановила его имя как ἡ Λάβρος, -υτος, сочтя возможным, «что основа этого топонима восходила к тому же корню, что и эпическое прилагательное λάβρος, -ον – «порывистый», «необузданный», которое часто прилагалось к воде или

³⁹ Thumb, Scherer. Op. cit. S. 108. § 257.6; Hodot R. Le dialecte éolien d'Asie. La langue des inscriptions. P., 1990. P. 72, 163. Not. 30. Ср. Hamn E.-M. Grammatik zu Sappho und Alkaios. B., 1957. S. 27, 29, 98.

⁴⁰ Hamn. Op. cit. S. 161–165. § 248–249a; Blümel W. Die aiolischen Dialekte. Göttingen, 1982. S. 172, 180. По непонятным причинам в эолийских надписях эта форма пока не встречена.

⁴¹ Hamn. Op. cit. S. 36. § 73c2.

⁴² Gen. ὁ-ου ο-основ, как и -εος s-основ, был распространен и в Aeolia Asiatica: Hodot. Op. cit. P. 93 suiv., 121–124.

⁴³ Шелов-Коведяев Ф.В. О центрах миграции греков в Северо-Восточное Причерноморье в эпоху Великой греческой колонизации // Acta Ass. Int. Tetra Antiqua Balcanica. Serdicae, 1991. С. 264–277 (Справедливости ради отмечу, что критиковал не достоверность сообщения, а его абсолютизаторов. В своих работах я неоднократно писал и считаю до сих пор, что количественная доминанта в колонизации Гермонассы при участии в ней эолийского ойкиста и эолийцев, принадлежала все-таки выходцам из Ионии. Это суждение пока не могут поколебать и новые, по-прежнему весьма немногочисленные на фоне обширного эпиграфического архива этого полиса, находки в нем эолийских языковых реликтов – Ф. Ш.-К.). Ср. Яйленко В.П. Греческая колонизация VII–III вв. до н.э. М., 1982. С. 271–275 (фантастический маршрут эолийских колонистов от Днестра к Тамани); Виноградов Ю.А., Тохтасьев С.Р. Новые посвященные граффиты из Мирмекия // Hyperboreus. 1998. V. 4. Fasc. 1. С. 39 сл. Прим. 45.

⁴⁴ Пьянство которых, как известно, вошло в поговорку; ср. Виноградов Ю.Г. Полис в Северном Причерноморье // Античная Греция. Т. I. М., 1983. С. 382.

ветру» (с. 40), поэтому в ее статье имя города звучит в русской транслитерации как «Лабрита». Однако, во-первых, при такой реконструкции топонима конец стк. 2 следовало бы дополнять ἐν Λ[άβρυτι], а не Λ[αβρύτηι] как в ed. gr̄nc., т.е., на худой конец, по-русски имя города стояло бы в мужском роде – «Лабрит». Во-вторых, не совсем понятно, как такой «буйный» эпитет мог характеризовать населенный пункт, и, наконец, топоним следовало бы прежде подвергнуть морфологическому анализу на базе аналогичных образований, исходя из единожды встреченной в стк. 3 нашего документа формы Λαβρυτῶν.

Поиск по обратному словарю Дорнзайфа–Хансена выявил два десятка топонимов с суффиксом -υς, для ряда из них известно окончание gen. sg. -υος: Ἀδύς -, Αἶγυς, -υος, Ἄραμβυς -, -ύος, Βοῦτρυς -, Γόρτυς, -υος, -υνος, Γώρυς, -υδος, Δρύς, -ύος, Ἐγγήρυς -, Κάνδυς -, Κάπυς, -υος, Κῶβρυς -, Λευκόφρυς, -υος, Μῶλυς -, Πάτρασυς -(ethn. Πατράσυος), Πίναμυς -, Συναρύς -, Φθρύς -, Φλέγυς -, Φρεατύς -. Из приведенного списка явствует, что большинство топонимов этого суффикса образует gen. на -υος (однажды вариативно -ύνος), и лишь единожды на -υδος, но никогда на -υτος⁴⁵. Для некоторых из приведенных топонимов известны и этниконы, образованные по типам: Δρύς – Δρυεύς, Δρυής, Βότρυς – Βοτρυηνός, Λευκόφρυς – Λευκοφρυητός, Πάτρασυς – Πατράσυος, и наконец, Κῶβρυς – Κωβρύτης. Последняя, встреченная и у нас парадигма однозначно доказывает, что в эпиграмме с Семибратнего городища присутствует gen. pl. этникона Λαβρύτης, а не топоним, который по законам морфологии должен был звучать как λάβρυς, -υος, т.е. по-русски «Лабрис», но никак не «Лабрита».

Что же касается этимологии топонима Λάβρυς, то северопонтийская ономастика подсказывает, что за ним должен скрываться, скорее всего, некий соседний гидроним, особенно если учесть, что неподалеку в Кубань впадает Лаба, а совсем близко течет р. Абин. Не секрет, что гидронимы устойчиво держались веками и тысячелетиями, однако в данном случае окончательный вердикт остается все же за лингвистами. Тем не менее, на некоторые размышления наводит описание Таманского полуострова Страбоном (XI.2.10), пятый древнейший кодекс которого дает: αἱ δὲ λοιπαὶ πόλεις ἐν δεξιᾷ πέραν Ἰπάνιοσ ἐν τῇ Σινδικῇ, τὸ δὲ βασιλεῖον τῶν Σίνδων πλησίον θαλάττης καὶ Ἀβοράκη (ed. Lassere)⁴⁶. Отсюда следует, что безымянная Царская резиденция синдов лежала вблизи моря, а Аборака, скорее всего, где-то в глубине страны. Прежние попытки ее локализации, действительно, следует признать неудовлетворительными⁴⁷, однако в основе топонима Ἀβοράκη следует видеть такой же порядок тех же трех (из четырех) сонантов основы Λάβρ-υς (ΑΒΡ), что подвигает на смелую гипотезу об искажении переписчиками рукописей Страбона исконного варианта: ΛΑΒΟΡΑΚΗ > ΑΑΒΟΡΑΚΗ (псевдодиттография) > ΑΒΟΡΑΚΗ, где трансформация архетипа ΛΑΒΡΥΣ явилась результатом эвлогической вставки гласной -ο- с заменой греческого суффикса -υς на иранский -ακης в эпоху сарматского господства⁴⁸.

Вотивная эпиграмма из Лабриса расширила наши сведения и о фразеологии раннеспартокидовских посвящений, прежде всего тем, что в ней широко известная сакральная формула, типа «Афина, владычица Афин», впервые явилась на Боспоре как эпитет Аполлона: Φοίβωι Ἀπόλλωνι... τῆς δὲ πόλεως μεδέουσι Λαβρυτῶν. До того было известно, что со времен Левкона I боспоряне величали так только Афродиту Уранию, владычицу Апатура (КБН 31, 35, 75.11/12, 971, 1111, + ineditum из

⁴⁵ Ср. *Schwyzler. Griechische Grammatik*. I. S. 463: «Die Mehrheit (auch einige fremde Wörter) bilden die auf -υς Gen. -υος».

⁴⁶ Ватиканский кодекс конца V – начала VI в. показал, что вклинившиеся в середину фразы слова ἔστι δὲ καὶ Γορύππια (Codd. Γορύππια) – позднейшая интерполяция, и Горгиппия не была столицей Синдского царства; ср. *Алексеева Е.М.* Античный город Горгиппия. М., 1997. С. 37 сл.

⁴⁷ См. *Качарова Д.Д., Квирикелия Г.Т.* Города и поселения Причерноморья античной эпохи. Тбилиси, 1991. С. 8 сл.; *Блаватская.* Ук. соч. С. 41. Прим. 18.

⁴⁸ Ср. *Масленников А.А.* Население Боспорского государства в VI–IV вв. до н.э. М., 1981. С. 37. Прим. 178: мнение автора о расположении Аборакы близ моря противоречит контексту Страбона.

Танаиса)⁴⁹. Кроме того, тот же эпико-потестарный эпитет был высечен в Пантикапее на алтаре, воздвигнутом Гекате, владычице Спарты⁵⁰, применительно же к Аполлону Врачу, владыке Борисфена и Истрии, он неоднократно встречен в эпиграфических памятниках Ольвии (SEG. XXXVI. 693; XLIL. 712). Культовая формула типа Ἀφροδίτῃ Οὐρανίᾳ Ἀπατούρου μεδέουσα⁵¹ документирована и подробно исследована М. Джеймсоном⁵², которому на многих примерах удалось показать, что владычество того или иного могучего божества-покровителя простиралось на участки суши (включая и острова) и населенные пункты (города и святилища), но не на водные артерии. Крайне редкие поэтические свидетельства о властвующих над морем божествах и героях не способны поменять общую картину⁵³.

В ряде корректив нуждается и воссоздание издательницей эпиграммы сакральной жизни Семибратнего городища в свете конкретного факта установки там Левконом монументального вотива Аполлону Фебу. Считая бесспорным свое восстановление в стк. 2 Φοίβῳ Ἀπόλλωι τῷ ἐν Λ[αβρύττι], которое по указанным выше метрическим, морфологическим и стилистическим неувязкам на деле как раз неприемлемо, автор не сомневается в том, что «новый документ свидетельствует о первостепенном значении храма Феба Аполлона Лабритского» (с. 41), где и воздвиг прибывший сюда с дипломатической миссией Левкон свой вотивный дар, сочтя «необходимым официально возвестить здесь о своей важной победе над Феодосией, полагая это полезным интересам Боспора» (с. 40). О поводе для обета, данного Спартокидом, не упомянуто ни слова.

На деле же ни в тексте эпиграммы, ни в обстоятельствах ее находки нет и намек на наличие в Лабрисе храма Аполлона Феба, да еще и воздвигнутого для Левкона: миниатюрный постамент был выворочен плугом на поле за пределами городища, так что если и допускать существование какого-то святилища Феба, то только extra muros. Как было показано выше, Левкон возвещал в стихах о своем покорении не Феодосии, архонтом⁵⁴ коей вместе со всем Боспором он уже стал до того, а о победе над узурпатором Октамасадом, перед которой он согласно общеэллинским священным обычаям, и принес обет воздвигнуть победный монумент, но не локальному Аполлону Лабритскому, а верховному богу-покровителю всех боспорян – Аполлону Врачу.

⁴⁹ Упустив, к сожалению, этот хорошо известный факт, первоиздательница (с. 42 сл.) отнесла эту сугубо культовую формулу к местному династу, откуда воспоследовал ряд исторических аберраций: определение Лабриса как стольного града обособленного царства, статус его правителя и т.п.

⁵⁰ Отсутствие у донатора эпитета говорит скорее о том, что он был спартанским наемником, а не простым торговцем (КБН. 22. С. 19, комм.); ср. *Vinogradov Ju.G. // Bulletin épigraphique. 1990. 306.*

⁵¹ В литературе часто сталкиваемся с фиктивным эпитетом богини – Афродита Апатура, который, за исключением поздней дериватной эпikleзы Ἀπατούριδος (КБН 1045.5), спровоцирован явно компримированным пассажем Страбона (XI. 2. 10), где читаем: «В Фанагории существует знаменитое святилище Афродиты Апатуры (τῆς Ἀφροδίτης ἑρὸν ἐπίσημον τῆς Ἀπατούρου)», за чем следует этимологическая легенда о происхождении этой эпikleзы от заманивания Афродитой гигантов в пещеру с последующим убиением их там Гераклом. Подробнее см. *Тохтасьев С.Р. Боспорская легенда об Афродите Апатурсе // ВДИ. 1983. № 2. С. 111–117: выводы автора о театральной гносеологии этого мифа подкрепляются блестящими наблюдениями Л. Робера (Hellenica. XI–XII. 5–16) о рафинированном нюансе термина ἀπάτη – «удовольствие, забава» как синониме ἡδονῆς, voluptas, т.е. обольщение шармом, чарами. Исходя из этих тонких наблюдений я дерзнул бы предложить сокращение самим Страбоном (или его источником) искомого, документированного эпиграфикой локального эпитета боспорской Афродиты: Ἀφροδίτῃ ἑρὸν τῆς Ἀπατούρου (μεδέουσα).*

⁵² В так и неопубликованном докладе на VII Конгрессе по греческой и латинской эпиграфике (Констанца, 1977 г.), текст которого любезно предоставлен автором в мое распоряжение: *Jameson M. A Bosporan Cult Epithet.*

⁵³ *Hom. Od. I. 71–71: Θόωσα... Φόρκυνοσθυγάτηρ, ἀλδὸσ ἀτρυγέτοιο μέδοντοσ; Eur. Or. 1690: [Ἑλένη] ναύταισ μεδέουσα βαλάσσησ.*

⁵⁴ Точнее, «правителем», «правлящим»: ср. выше рассуждение Ю.Г. Виноградова о возможности трансформации клаузулы ἄρχων Βοσπόρου καὶ Θεοδοσίης в *деепричастный оборот* и мои комментарии по этому поводу – Ф.Ш.-К.

В итоге этой победы, когда власть местных синдских царей была окончательно упразднена и Синдика прочно вошла в состав Боспорской державы, в покоренных землях синдос – включая и Лабрис, скорее всего, и распространялся культ Аполлона, не случайно выступающего в данном случае как Феб – победоносный сребролукий бог, карающий преступления⁵⁵. Немаловажен и еще один аспект появления в лабритской эпиграмме именно этого эпитета: в указанной издательницей вотивной эпиграмме на постаменте посвященной Фебу статуи КБН 113=SEG 885 прокламативно звучат *expressa verba*: «при архонте Перисаде всю землю между таврами и страной кавказской заключают в качестве крайних пределов горы»⁵⁶. Совершенно очевидно, что если при Перисаде I процесс интеграции азиатских варварских территорий в Боспорскую державу в основном уже завершился, при отце его Левконе он только начинался, первым объектом которого и стала Синдика.

РЕКОНСТРУКЦИЯ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ

При воссоздании неоднократно дискутировавшегося процесса интеграции Синдики в состав Боспорской державы, прежде всего, необходимо возможно точнее установить его относительную и абсолютную хронологию по данным новеллы Полизна о Тиргатае (VIII. 55), эпиграфики и нумизматики. Начнем с последней, рассмотрев встающие в связи с ней проблемы по порядку⁵⁷.

* * *

На этом рукопись Ю.Г. Виноградова обрывается. Ниже следует изложение наших с ним обсуждений поднятых в публикации проблем.

Ранее (см. прим. 57) считалось, что синдские монеты датируются последней четвертью или, самое большее, второй половиной V в. до н.э. При этом давно ощущалось отсутствие работы, которая бы обобщала и классифицировала весь имеющийся материал. Ныне этот недостаток блестяще исправлен Н.А. Фроловой, подтверждающей их раннюю датировку как техническими особенностями чеканки, так и результатами металлографического анализа. Единственно, в чем нельзя согласиться с нею, это то, что в отношении государственности синдос я принял концепцию С.Р. Тохтасьева (см. ВДИ. 1984. № 3). Свои соображения я впервые издал

⁵⁵ Об этих сотерических, очистительных и судебно-карательных функциях Феба см. *Gruppe O. Griechische Mythologie und Religionsgeschichte*. II. München, 1906. S. 1236 f. Сама Т.В. Блаватская (ук. соч., с. 41, прим. 20) справедливо указала в этой связи на посвящение Аполлону Простату IOSPE. I². 175, в станах которого ольвийские стратеги, вызывая к «лучнику Фебу», горды тем, что с помощью бога украсили его храм отнятой у неприятеля добычей, вернувшись домой с трофееносной победой: *conf. Peek W. // Philologus*. 1932. 87. S. 233, № 10; *Wilhelm Ad. Akademieschriften*. II. S. 316; *idem. // Symbola Osloenses*. 1948. 26. S. 85 f.; *Robert L. // Hellenica*. 1960. XI/XII. P. 267–276; SEG. III. 588.

⁵⁶ Перевод: *Виноградов*. Полис в Северном Причерноморье. С. 419.

⁵⁷ Литература о них огромна, с 1857 по 1951 г. она указана в работах: *Зограф А.Н.* Античные монеты // МИА. 1951. 16. С. 168–170; *Шилов В.П.* Синдские монеты // СА. 1951. XV. С. 204–215; *Шелов Д.Б.* Монетное дело Боспора VI–II вв. до н.э. М., 1956. С. 42–49. Из новейших работ назовем: *Shelov D.B.* Coinage of the Vosprus VI–II cent. В.С. // BAR 1978. Suppl. 46. P. 187 f. Not. 31–44; *Шелов Д.Б.* Синды и Синдика в эпоху греческой колонизации // Демографическая ситуация в Причерноморье в период Великой греческой колонизации. Тбилиси, 1981. С. 232–247; *Тохтасев С.Р.* Scythica I // ВДИ. 1984. № 3. С. 141; *Анохин В.А.* Монетное дело Боспора. Киев, 1986. С. 28 сл., 138, № 42–44, 51–53, 59, 60; *Шелов-Коведяев*. История Боспора... С. 125–128; *он же*. Еще раз о государстве синдос // Кlio. 1989. 71. 1. S. 216–225; *Завойкин А.А.*, *Болдырев С.И.* Третья точка зрения на монеты с легендой ΣΙΝΔΩΝ // Боспорский сборник. 1994. № 4. С. 43–47; *Завойкин А.А.* О времени автономной чеканки Фанагории // Боспорский сборник. 1995. № 6. С. 92–94; *Терещенко А.С.* К проблеме идентификации и относительной хронологии монет с надписью ΣΙΝΔΩΝ // IV Всероссийская нумизматическая конференция. Тез. докл. М., 1996. С. 9 сл.; *Абрамзон М.Г.*, *Горлов Ю.В.* Два «синдских» диоболов, найденные в Фанагории // РА. 1998. № 3. С. 141–145 (*Об изданиях, вышедших после трагической гибели Ю.Г. Виноградова, читатель может узнать, обратившись к статье Н.А. Фроловой в этом номере ВДИ. – Ф.Ш.-К.*)

весной 1984 г., а если иметь в виду автореферат диссертации, где они тоже нашли себе место, то в начале 1983 г. Но существеннее другое – будучи сторонниками одной системы взглядов, мы обосновывали ее, в чем нетрудно убедиться, с помощью разных доказательств⁵⁸.

Однако независимо друг от друга мы с Юрием Германовичем практически исчерпали на тот период возможности для дальнейшего обсуждения. Это подтверждается тем, что наши оппоненты, появившиеся в 1990-е годы и на рубеже тысячелетий, так и не сумели освежить старые, не говоря уже о том, чтобы найти серьезные новые контрдоводы или хотя бы как-то подорвать нашу аргументацию.

Теперь же доскональное исследование Н.А. Фроловой и прочтение Ю.Г. Виноградовым замечательного эпиграфического свидетельства просто закрывают этот вопрос. Суммированными здесь результатами многолетнего настойчивого и скрупулезного труда ученые доказывают: Синдское царство было. И именно как развитая, пусть и с пережитками племенных отношений, политическая организация с самостоятельной и развитой денежной эмиссией, подтверждаемой вполне обильными нумизматическими фактами, чем пренебречь никак нельзя.

Мне уже приходилось писать (см. прим. 58), что поворот Синдики к зависимости от Боспора был связан с ожесточенными военными действиями. Посвящение с Семибратнего городища подтверждает сложную структуру политических интересов и протяженной по времени борьбы, как минимум, в синдской верхушке, что давно известно из рассказа Полиена. Противоположное было бы невероятно без далеко зашедшей эволюции форм государственной жизни. Оба свидетельства нельзя свести к единственной истории, где с одной стороны заодно действуют Тиргатао и сын Гекатея, а с другой Сатир и, по его поручению, в одном случае Горгипп, в ином – Левкон I, мол, разные источники донесли до нас известия о различных аспектах одной и той же схватки. Рассказ Полиена слишком подробен, чтобы без грубой натяжки можно было заподозрить его автора в «забычивости» (это создало бы и логические накладки, ибо Горгипп вступил в игру после смерти отца, а до того в ней был, и то в пассивной роли заложника, другой его сын – Метродор). А в стихах из Лабриса Левкон I назван «правителем Боспора» с упоминанием лишь патронимика – Сатира. Это, как мы знаем из эпиграфики, было возможно только при обладании всей полнотой власти.

Этот факт отражает важнейший шаг к упразднению автономии синдских царей и полномасштабному инкорпорированию их владений в состав Боспорской державы. Конечно, это мощная пропагандистская акция в рамках «азиатской» политики Левкона, судя по всему, уже прошедшей точку возврата, если не близкой к завершению в «синдской» ее части. Ведь демонстративно утверждается не просто культ покровителя боспорских колонистов. Аполлон в ипостаси Феба не только защитник, спаситель и избавитель, очищающий от скверны и напастей, что было бы, хоть и двусмысленным, но все же жестом в сторону синдского партнера. Однако, как следует из упомянутого выше вотива ольвийских стратегов (IOSPE. I². 175), тот, кто обеспечивает получение военного трофея, и есть победитель и покоритель. Проще говоря, небесный патрон, в том числе, и самого завоевателя.

Из надписи следует, что Левкон стоит в Синдике уже твердой ногой и даже присоединил ее к своим землям. Ведь статуя воздвигнута в глубине страны. Как тут не вспомнить об обычае восточных владык отмечать восхваляющими божеств и свои победы надписями границы подчиненной им территории. Недаром античные авторы именовали боспорскую династию Левконидами!

В итоге более определенно можно судить об абсолютной хронологии включения Синдского царства в состав Боспорского государства. Начало этого процесса отмечено прекращением автономной монетной чеканки синдов в последней четверти V в. до н.э., в правление Сатира. Его завершение логично датировать периодом около

⁵⁸ Шелов-Коведнев. История Боспора...

380 г. до н.э., уже при Левконе, поскольку републикуемое посвящение, где участь Синдики, по меньшей мере, предрешена, относится ко второму десятилетию IV в. до н.э. (см. прим. 11) и должно было появиться после прекращения в той или иной форме полномочий Горгиппа, первоначально наследовавшего, судя по новелле Полиена, Сатиру I. Кроме того, Левкону надо было до этого успеть овладеть Феодосией, чтобы включить ее в свой титул. В интервал между названными реперами умещаются два насильственных лишения царя Гекатея трона и двукратное же его водворение на него обратно тиранами Боспора – последовательно Сатиром и Левконом. В результате он фактически, если не *de jure*, превратился в вассала последнего.

В качестве относительной периодизации сохраняет значение мое деление истории взаимоотношений Синдики и Боспора в V–IV вв. до н.э. на три этапа: 1) союз; 2) острое противоборство приверженцев интеграции во главе с ориентированным на Пантикапей и руководимым оттуда царем Гекатеем и сторонником самостоятельности синдов, ведомых Тиргатао, и Октамасадом; 3) адаптация страны в качестве боспорской провинции. С мирной доминантой в первом и последнем случае. И с тем уточнением, что в рамках средней стадии шло жесткое, сопровождаемое серией активных военных операций, вместившее в себя не только свержения Гекатея, но и две попытки покушения на жизнь его жены Тиргатао, соревнование за будущее синдского политического образования, когда борьбу за независимость последовательно возглавляли Тиргатао и сын Гекатея Октамасад. Ее хронологические границы должны быть существенно расширены – на значительную часть правления Сатира I, считая с момента, когда оборвалась эмиссия синдского серебра, кратковременную активность старшего парадинаста в паре его наследников – Горгиппа, и первое десятилетие правления Левкона I. Эпиграфическое подтверждение размаха боевых действий, ранее известных нам по отголоскам даже не у историка, а у собирателя забавных и примечательных происшествий Полиена (что говорит об их серьезном следе в памяти поколений), свидетельствует о том, что это были не эпизодические стычки, а затяжной военный конфликт. Пусть и имевший свои обострения и спады. Недаром Полиен пишет о «многих племенах», объединенных Тиргатао. Хозяин положения в этой конкуренции ясен: это боспорские тираны, они только и способны были стать реальным гарантом власти царя синдов Гекатея и вообще эффективно справляться с внутренними трудностями, не забывая при этом активно влиять на события у соседей.

Наконец, теперь следовало бы быть сдержаннее в определении особого юридического статуса синдов под властью Спартокидов. Нимфейское посвящение, введенное в оборот О.Ю. Соколовой (см. выше), называет Левкона «правлящим» (ἄρχων) не только всей Синдикой, но и торетами, дандариями и псессами. Поэтому сочетание синдов с тем же потестарным термином в КБН 6а и их дальнейшее сохранение в «варварской» компоненте титула на первой позиции, равно как и выделение их из «всех меотов», надо, полагаю, рассматривать лишь как отражение хронологического порядка присоединения этих племен к Боспору, а не их специального положения среди подданных Спартокидов.

И последнее. Знаменитая КБН 113 также датирована ἄρχοντος Παριδάδεος. У. Хиллер фон Гертринген считал, что эпитафия составлена после 344 г. до н.э., когда Перисад I по смерти своего старшего брата-соправителя Спартока II, стал властвовать единолично (замечу: со своими сыновьями). При этом границы его державы определены от Таврических до Кавказских гор. Интерпретация тут может быть одна. Перисад назван «правлящим, правителем» этих просторов, но не архонтом. Метрические ограничения здесь ни при чем; ведь и потом данное понятие в одиночной постановке встречается в надписях, как минимум, до Спартока III, сына Евмела (КБН 18; вотив Герей), т.е. далеко вглубь III в. до н.э., а то и до времен Перисада II, сына Спартока III, когда ни о каком архонтате на Боспоре уже и речи нет. Равным образом его эпизодическое воскрешение в более поздние периоды в значении именно как «правитель» может быть объяснено исполнением его носителями функций «упра-

вителя» – наместника (Тигиэнонт) или принца-регента (Перисад IV, сын Перисада III). Вот что надо иметь в виду любителям поиграть термином «архонт».

Ф.В. Шелов-Коведяев

LEUCON, HECATAEUS, OKTAMASADES AND GORGIPPOS

*(The Integration of Sindica into the Kingdom of Bosporus according to the Novel
Polyaenus (VIII, 55) and the Votive Epigram from Labrys)*

Yu.G. Vinogradov

The subject of this article is the republication of the famous dedication of Leucon I to Apollo Phoebus from the site of Semibratnee (the Kuban region). The author revises both the reconstruction of the inscription, made by first editor and gives his own previous by made shortly. On the base of the scrupulous textological work he comes to the conclusion, that the inscription tells us about a new dramatic episode in the history of relations between Bosporos and Sindica. That is the second dethronement of the pro-Bosporan king Hecataeus by his own son Oktamasades. The author revises the new monument in connection with the corpus of Sindian coins as an undoubted confirmation that the Sindica kingdom really existed and was known to the ancient authors as a well developed political organisation. New discoveries allow us suppose, that the period of conquest of Sindica by Bosporos and the Sindica's fight against its expansion was much more extensive, than it had been previously assumed. This period envelops few decades in the end of Satyros I rule and the early ruling of Leucon I. Besides, that a great role in these events should have been played by the elder son of Leucon I – Gorgippos, who used mainly bribery and diplomacy.